

НЕИССЛЕДОВАННОЕ
ЗЕРТТЕЛМЕГЕН
UNEXPLORED

МРНТИ 21.15
УДК 21/29

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-4-224-232>

Р.А. АЛШАНОВ,*¹

д.э.н., профессор.

*e-mail: r.alshanov@turand-edu.kz

¹Университет «Туран», Казахстан, г. Алматы

**ДЕН (ДН) – ДУХОВНОЕ РАСХОЖДЕНИЕ МОЛИТВ
ДРЕВНИХ АКЫНОВ И УЧЕНИЯ ЗАРАТУШТРЫ**

Аннотация

Цель исследования – рассмотрение проблемы о духовном расхождении молитв древних акынов и учения Заратуштры. Слова «ден кою» – «обратить внимание на кого-, что-либо»; «ден койып тындау» – «слушать внимательно, убедиться в чем-либо» могут означать как призыв к слушающим внимательно вникнуть в текст молитв, прислушаться и убедиться в аргументах и посылах молитвенного обращения. Была многолетняя борьба за их понимание, возможно, были и сторонники учения, новых молитв. Но были и те, кто не воспринял интерпретацию молитв древних сказителей. Отражение обычаев, быта, обрядов, а также природных событий, включая катаклизмы в сказаниях, молитвах в той или иной форме явились своего рода трансляцией накопленного опыта, передачей увиденного следующим поколениям. Заратуштра изначально преподносит себя как проповедник молитв Ахуны Баири, его подвижник, доводит до народа песнопения акына Байыра, со временем трансформировавшегося из Байыри Ахуна в древнейшего, байыргы Акына. В ходе эволюционного переосмысления молитв Заратуштра прошел стадию трансформации, перерождения из неистового проповедника в яростного реформатора, который выступил против традиционалистов – сторонников молитв древних акынов. Отход Заратуштры от сложившихся устоев рассматривался его земляками как измена древним молитвам. В статье исследуется вопрос: что же такое он говорил своему народу, который его не понял.

Ключевые слова: молитвы, древние акыны, учения, обычаи, традиции, проповедник, эволюционное переосмысление.

Введение

В последние годы усилилось внимание к исследованию духовных корней народа, истоков веры и учений о ней. В Казахстане постепенно растет внимание к «Авесте» – канону зороастризма. Алькей Маргулан, ознакомившись с этой работой, видимо во время учебы в Ленинграде в Институте востоковедения (1928 г.), писал о том, что корни «Авесты» нужно искать в глубокой истории степей, народы которой, по его мнению, и создали первоначально этот труд. Появились монографические работы (Т. Енсегенулы, С. Оспанов), статьи (Н.К. елимбетов, А. Кыраубаева, У. Шалекенов и др.), посвященные тем или иным аспектам этого произведения.

Интерес вызывает его подлинное наименование, за которым в силу сложившихся традиций закрепилось название «Авеста». Название «Авеста» – канона зороастрийских книг – восходит к «пазендскому» произношению пехлевийского слова aβastāy. Исследователи отмечают, что точная этимология слова «авеста» неизвестна.

Ряд казахских ученых предложили свою версию слова «авеста». Они исходят из того, что в казахском языке есть слово, понятие «абаста», «о бастан», означающее «изначала». Токболат Енсегенулы полагает, что «Авеста» первоначально называлась «О баста», «Ау баста» (2). Такой

же версии придерживается С. Оспанов (3). Данный подход, на наш взгляд, более ближе к смыслу этого труда и пехлевийскому обозначению.

Ранние трактовки слова «авеста», указывая, что оно происходит от пехлевийского (парфянского) [prastāka], делают акцент на том, что это уложение, нечто установленное; близкое по значению греческому слову κανών (канон). Сами же носители традиции «Авесту» называют «Ден» [dēn] – вера), которая понимается как «религиозное установление», «религиозная книга» [1].

Исследователи отмечают, что слово dēn широко используется в качестве обозначения совокупности религиозных текстов в качестве синонима слова abestāg (т.е. авеста). И если авестийская daēnā сама предполагает текстовую природу, то священные тексты предполагали «жизнь» в ритуале (bahmanjon.livejournal.com).

Существование текстов, в которых изложена «Авеста», которая столетиями излагалась, передавалась из поколения в поколение в устной форме и уже в рукописной форме получила название «Ден», требует дополнительных аргументов, более надежных доказательств. В традициях изложения гимнов, молитв как «вахви даэна маздаясни» – «добрая вера почитателей Мазды» не обнаруживают себя, что это устные или письменные тексты. Представляется, что предположение о текстовой природе слова «ден», остается гипотезой.

Отражение обычаев, быта, обрядов, а также природных событий, включая катаклизмы в сказаниях, в той или иной форме явились своего рода трансляцией накопленного опыта, передачей увиденного следующим поколениям. Изначально появились некие правила захоронения, соблюдения гигиены, первоначальные правовые нормы (сколько ударов за ту или иную провинность, как и где содержать провинившихся и т.д.), ухода за скотом, каких собак оберегать, формировались традиции жертвоприношений и т.п.

Первоначальная «Авеста» представляла набор несистематизированной информации о произошедших, но связанных событиях, включая трагические, катастрофические, и передавалась сказителями из уста в уста. Один из ведущих переводчиков и исследователей «Авесты» И.С. Брагинский подчеркивал: «Какие бы гипотезы о кодификации «Авесты» ни принимать, остается также бесспорным, что в течение веков существенные части ее сохранились изустно» [1].

Заратуштра отмечает, что он передает молитвы Ахуна Баири, который нами понимается как Байыргы Ахын, или как молитвы древнего или древних акынов. То есть Заратуштра изначально преподносит себя как проповедник молитв Ахуны Баири, его подвижник.

Слово «байыргы» означает на казахском «прежний, давний, исконный». И Заратуштра доводил до народа песнопения акына Байыра, со временем трансформировавшегося из Байыри Ахуна в древнейшего, байыргы Акына. Это чисто тюркское, казахское выражение остается в тени из-за непонятого и нераскрытого смысла слова – Ахуна Баири – Акына Баира. То есть можно предположить с большой вероятностью, что существовал персонаж, конкретное лицо – Баири Ахун, молитвы которого пытались донести до потрясенного Заратуштры его предшественники. В «Авесте» говорится: «Он бьет меня молитвой Ахуна Баири мощной... Он жжет меня молитвой Аша Бахишта, словно расплавленный металл» [1]. В казахском языке, как правило, традиционно за дастарханом дается особое пожелание-посвящение – багыштау. Вполне возможно, что под именем Баири Ахуна подразумеваются целые поколения древних сказителей, древних акынов, передававших из уст в уста свои печали и заботы для последующих поколений.

Основные положения

Наиболее вероятной трактовкой имени Заратуштра может быть «Зар айтушы» – «человек поющий напевы, молитвы особым способом, напоминающим печаль, плач тоскующего верблюда» [1]. И это имя нарицательное. Пересказчики, поздние переписчики, переводчики, исходя из того, что пророк все время путешествовал на верблюде по всем семи странам – каршварам, трансформировали вторую часть имени «айтушы» в «уштра» – «верблюд». Возможно, в народе о Заратуштре говорили как о человеке, разъезжающем на верблюде и с печалью поющем мо-

литвы Ахуны Баири (байыргы ахун, акын, древние сказания) и первоначальное «Зар айтушы» на уштре в персидском варианте соединилось в тюркско-персидское «Заратуштра» (8).

И если события, отраженные в «Авесте» происходили порядка 3,1 тыс. назад до н.э., а время жизни Заратуштры отнесено ко времени 1,2 тыс. лет назад до н.э., то древние акыны (Байыргы ахын) жили в промежутке в 1,9 тыс. лет. А это по историческим меркам относительно небольшой срок. И если придерживаться утвердившегося исчисления поколения в 25 лет, то за этот период сменилось 76 поколений, а если предположить, что сказители жили в среднем 50 лет, то таких поколений и именитых, авторитетных сказителей (древних акынов, жырау) было бы всего 38.

В казахско-русском словаре дано определение слов «зар» – «страдание, горесть, скорбь» [10]. А «зар айту» – «сообщать о своем страдании, своих горестях», «зар заман» – «скорбные времена», «зар илеу» – «изливать горе». И тогда «Зар айтушы» – «сообщающий о горестях, страданиях».

Интерес вызывает сохранившееся в казахском языке выражение «зар – заман», буквально означающее «время, эпоха скорби». Существование поколения поэтов эпохи скорби – зар – замана в XIX веке (Дулат Бабатайұлы, Шортанбай Қанайұлы, Мұрат Мөңкеұлы, Әбубәкір Кердері, Албан Асан, Нарманбет Орманбетұлы и др.) может свидетельствовать о сохранении традиции поэзии печали, скорби, истоки которой относятся к акыр-заману, ко времени Заратуштры, Зар айтушы. Обращает внимание созвучность и смысловая близость слова «акыр заман» («конец света, режущее время») и обозначения авестийской эпохи – «зурван акарана». Авестийское слово «зурван» означает «время». Возможно, слово «зурман» трансформировалось в слово «заман» или же, наоборот, но важно то, что за созвучием лежит и смысловое единство – оба слова обозначают время. Вероятно, и слова «акыр» и «акрана» претерпели подобную эволюцию.

Печаль Заратуштры, видимо, была обусловлена недопониманием его современниками значимости знания и почитания своей истории. И приходилось многократно, возможно на первых базарах, караван-сараях, может быть играя на каком-то музыкальном инструменте типа кобыза, печально, настойчиво напевать эти давние, байыргы, истории, гаты (жайты) – зар қақсау – твердить бесчисленное число раз, зар төгу – изливать печаль.

Согласно пехлевийской хронике, Заратуштра родился «за 258 лет до Искандара», то есть Александра Македонского, что приходится на VII-VI вв. до нашей эры. Мэри Бойс предположила, что у Заратуштры «обучение священству начиналось рано, видимо в возрасте около семи лет, и было устным, потому что не знали письма. В основном оно состояло в изучении обрядов и положений веры, а также в овладении искусством импровизации стихов... и в выучивании наизусть великих мантр, сложенных мудрецами ранее. Полагалось, «что зрелость достигается в пятнадцать лет, и, вероятно, в этом возрасте Зороастр стал священнослужителем. Исходя из Гат, можно предположить, что впоследствии он стремился усвоить все знания, которые получал от разных учителей. Согласно зороастрийским преданиям, Зороастр достиг тридцати лет – возраста зрелой мудрости, когда он наконец получил откровение» [9].

«Годы, посвященные Зороастром проповеди среди соплеменников, были почти бесплодными... Тогда он покинул свой народ и отправился к другому, где, будучи чужестранцем, смог добиться благосклонности царицы Хутаосы и ее мужа царя Виштаспы... учение Зороастра было принято в стране Виштаспы» (9). По всем признакам Заратуштра происходил из туранцев (Заратуштра родился на территории туранских племен. Википедия), ранних скифов, саков и ушел к огузам, кейянидам, которые приняли его авторскую версию прочтения древних молитв.

Обсуждение

Встает вопрос, что же такое он говорил своему народу, который его не понял. Сравнительный анализ содержания «Авесты» свидетельствует, что в обычаях казахов в течение столетий сохранялись упомянутые в ней обычаи, традиции, уходящие в глубь веков, седую старину. Об этом говорят традиции аса – больших жертвоприношений, обряд захоронений, «Көрісу», трепетное отношение к культу огня, поклонение небесным силам. И они сохранялись во времена

древних акынов в течение 76–38 поколений. Однако во времена Заратуштры произошел идеологический перелом.

И если в содержательной части многое сохранялось в понимании и оставалось в жизненной практике степного края, то нравования Заратуштры, показавшиеся степнякам излишне навязчивыми, назойливыми, были ими не поняты и не приняты. Речь, видимо, шла не о новом тексте, а дело было в новой трактовке, гиперболизации мировосприятия, раскрытии по убеждению Заратуштры сути изложений, расставлении акцентов от фактов к высшим силам. Молитвы древних акынов были им интерпретированы по новому, абстрагированы от реального содержания, он искал истинную, глубинную суть этих явлений, в прежние молитвы были расставлены новые акценты, они были им канонизированы, возводились им в культы, требующих постоянных поклонений. В ходе эволюционного переосмысления этих молитв Заратуштра прошел стадию трансформации, перерождения из неистового проповедника в яростного реформатора. И здесь реформатор Заратуштра выступил против традиционалистов – сторонников молитв древних акынов. Одно и то же понималось и трактовалось по-разному. Произошел водораздел, духовный раскол. Отход Заратуштры от сложившихся устоев рассматривался его земляками как измена древним молитвам. По преданию, туранцы всю жизнь искали расправы над ним, и около 551 г. до н.э. жрец древней религии, возможно, шаман Тур Братарвахш (Биратар бахшы, Пиратар бақсы, Біртуар бақсы) казнил 77-летнего Заратуштру на алтаре во время штурма Балх [14].

Вследствие перемещения Заратуштры от родных мест к соседним начал меняться язык изложения «Авесты» от авестийского к пехлевийскому, парфянскому и далее к персидскому. Он должен был говорить на языке народа Виштаспы, чтобы его проповеди были им понятны и доступны. Изустная традиция изложения древних текстов позволяла выполнить такую работу на другом языке. Мэри Бойс подчеркивает: «...«Авеста» продолжала бытовать в устной передаче на протяжении всего периода правления Ахеменидов и дальше» [9].

Народ кайев Виштаспа соседствовал с народом Заратуштры, относился, вполне вероятно, к огузам. Заратуштра родился у берегов Ранхи (Урал, Жайык), а затем молился у реки Датии (Узбоя), так же как и Виштаспа.

Заратуштра после двенадцати лет скитаний на родине в 42-летнем возрасте отправился от берегов Ранхи до Датии (кратчайшее расстояние между ними порядка 1100 км, на верблюде 10 дней пути), в северное, верхнее царство кейянидов Кави-Виштаспе, в центральный Туран, к южной акватории Аральского моря (моря Ваураукаша), к берегам реки Узбоя, озера Чайчасты (Шайшасты), ныне Сарыкамышского озера и далее в южное, нижнее царство – Балх – резиденции Кави-Виштаспа. В «Авесте» есть прямое указание, что Виштаспа Кавай – Кави относится к кайянидам, огузскому народу Кайев. «Кавай Виштаспа перед лицом моря Фразданы» [1]. Наиболее вероятно, речь идет о Каспийском море, ибо другое море в этом регионе есть только море Ворукаша (Аральское море) Оно вписывается в локализацию кейянидов в районе нынешнего северного и северо-западного Туркменистана.

Предположительно письменный текст «Авесты» появился через 36 веков после его зарождения и изустного существования. А от создания «Авесты» Заратуштрой до письменного изложения прошло 7 веков.

Остается неизвестным, дошли какие-либо эти рукописи до степного края или же какие-то священные тексты религиозными деятелями доводились до степняков. И возможно, в эти времена появились выражения «Ден, дін» и обороты с корнем «ден», предполагающими наличие письменного текста.

Религия Заратуштры, воспринятая кейянидами, затем парфянами при трансформациях государств, различных парфяно-персидских объединений, вобравших разные народы, вошла в систему верований победившей стороны.

При иранской династии Сасанидов в III веке зороастризм стал государственной религией. В период их правления были предприняты решительные меры по использованию персидского языка в качестве единственного официального и запрету на применение в письменности парфянского, и вся вспомогательная религиозная литература, включая Зенд, записывалась на среднеперсидском языке. В этом процессе этот язык «усвоил большое число парфянских слов;

язык зороастрийских книг – так называемой пехлевийской литературы – является, таким образом смешанным, своего рода койне... И хотя парфянский сохранился как важный элемент в составе живого персидского языка, тот факт, что вся зороастрийская религиозная литература известна лишь в среднеперсидских версиях, способствовал утверждению неверного представления... будто парфянского зороастризма по существу и не было и вера сохранилась лишь благодаря заботливому попечительству южного царства (то есть благодаря стараниям персов, а не парфян)».

Персидские сатрапии (зависимые территории), «которые в целом соответствовали старым племенным делениям, имели собственные языки – парфянский, согдийский и т.п., а не перенимали персидский». Эти племена стремились сохранить в чистоте язык «Авесты», передавая изустно священные тексты.

Зороастризм – самая старая религия в мире, зародившаяся более 7 тыс. лет назад, – пережил несколько этапов своего существования. После скитаний на родине и недопонимания своего учения Заратуштра ушел к кейянидам Виштаспе, который принял это учение. В последующем стал государственной религией трех персидских империй. Арабы, в 652 г. овладев большей частью Ирана, навязали ислам местному населению, оттеснив зороастризм в Парс. Введение арабского языка взамен пехлевийского письма и использование его вместо среднеперсидского языка нанесло серьезный урон последователям зороастризма. В IX веке спустя семь поколений после арабского завоевания зороастрийцы продолжали существовать, хотя и в меньшинстве. Они сохранили книги, храмы огня и берегут обычаи благодаря непрерывающейся преемственности.

Особой темой являются вопросы взаимосвязи зороастризма с религиозными верованиями тюрков, включая казахов. Возникнув как существенные и важные эпизоды, пересказываемые в течение 1,9 тыс. лет до н.э., древними сказителями (баири ахун, байыргы акын) две тысячи лет назад до н.э. Заратуштра перерабатывает их первоначальные верования, культы огня (маздаизм) и др. в нечто требующее особого внимания, поклонения, почитания, получившее название «Ден», которое по традиции называют «Апастак» («Авеста»).

Исследователи отмечают, что слово *dēn* зороастрийцами используется в качестве обозначения совокупности религиозных текстов в качестве синонима слова *abestāg* (т.е. «Авеста»).

В силу каких-то особых исторических обстоятельств в традициях закрепилось название «Авеста», а название «Ден» не пользуется большой популярностью. Вместе с тем название «Ден» требует внимательного анализа. Пока нет ответа, что оно означало изначально, какой смысл заложили в него первые зороастрийцы. Очевидно, что под таким названием Заратуштра обозначил свое новое видение старой веры среди своих соотечественников, а уж затем под этим названием его старо-новое учение мигрировало вместе с ним к соседним странам в другие царства. Новая религия ушла, но следы в памяти, языковой, духовной культуре сохранились.

В казахском «дін» – «вера, вероисповедание, религия». Система веры, изложенная с печалью в «Авесте» как исповедание молитв Ахуна Баири, звучит как «ден, дін». Внимательного анализа требуют десятки казахских слов с корнем «ден»: «ден қою» – «обратить внимание на кого-, что-либо»; «ден қойып тыңдау» – «слушать внимательно, убедиться в чем-либо», «дені дұрыс» – «нормальный, полноценный». Может, выражение «дені саудың жаны сау» – «в здоровом теле дух здоровый», следует понимать как «у нормального с верой и душа целей, здоровей»; «зор ден саулық», денгей» – «уровень, на уровне»; «дендету» – «преодолевать»; «дендеу» – «сделать большую часть какого-то дела»; «деней» – «сплошь» [10].

Трактовка этих казахских слов с позиций «Ден» предполагает их переосмысление и другую интерпретацию. И если учение зороастрийцев ушло из Турана на юг Центральной Азии, через парфян в Персию, то в некоторых, отдельных словах как в лингвистических осколках осталась изначальная связь с территорией создания цикла повествований (гатов, жайтов), изустно передаваемой из поколения к поколению в течение многих столетий.

И если наши предки были знакомы с первоначальной версией молитв древнего акына (Баири Ахуна – Байыргы акына) в изложении Заратуштры, которая именовалась или как цикл повествований, или как совокупность текстов – в общем, как «Ден», то в своей обыденной речи существовал определенный набор идентичных слов. Так, например, слово «денгей», означающее

«уровень», предполагает не уровень вообще, а степень соответствия как требованиям учения – моральным, этическим, духовным, так и освоения, усвоения этих текстов, образовательного уровня. «Дендеу» – «сделать большую часть чего-то», может означать процесс познания или погружения в тексты этого учения «Ден».

Слова «ден қою» – «обратить внимание на кого-, что-либо»; «ден қойып тындау» – «слушать внимательно, убедиться в чем-либо» могут означать как призыв к слушающим внимательно вникнуть в текст молитв, прислушаться и убедиться в аргументах и посылах молитвенного обращения. В этих словах обращения можно видеть, что была как минимум 12-летняя борьба за их понимание, возможно, были и сторонники учения, новых молитв. Но были и те, кто не воспринял интерпретацию молитв древних сказителей. По тому факту, что Заратуштра ушел один к Виштаспе, а никто за ним не последовал, можно сказать, что он стал изгоем на своей родине.

Исследователи творческой биографии Чокана Валиханова отмечают, что он первым обратил внимание на глубокие корни зороастризма в традициях степняков. По его заключению, почитание огня, солнца, обожествление неба и небесных светил, культ предков, признание богов-покровителей отдельных сторон бытия кочевников, кодекс должных поступков и запретов сохранились от зороастризма у казахов в «совершенной целостности» [11].

Можно наблюдать некоторые нюансы в разных пониманиях архаичных верований культа огня. У казахов оно не возводилось в некий особый ритуал, а было естественной бытовой традицией, сопровождаемой бережным отношением к огню. Сенім бар да, табыну жоқ.

Философ Сапар Оспанов в своей статье: «Зороастризм как один из исторических источников изучения культуры тюркских народов» полагал необходимым «провести сравнительно-исторический анализ содержания «Авесты», зороастрийских обычаев, традиций с обычаями и традициями тюркских народов, имеющих корни со времен тенгрианства, а также интерпретировать отдельные понятия, имеющиеся в «Авесте», с позиций протодревнетюркских языков» [12].

Авторитетный востоковед профессор Тувинского, Бурятского университетов Н.В. Абаев выдвинул ряд важных положений о взаимосвязи тенгрианства и зороастризма, имеющих принципиальное значение для исследования этого сложного, малоизученного процесса. Он полагает, что «в центральной части Евразии, т.е. во Внутренней и Центральной Азии, религиозный синкретизм имел особенно глубокие и разнообразные этнокультурные истоки, поскольку изначально движущей силой развития именно центральноевразийской цивилизации стало взаимодействие двух родственных, но во многом противоборствующих цивилизационно-культурных и этноконфессиональных общностей, условно называемых «Иран» (западная и центральная часть Азии, населенная ираноязычными народами, исповедующими так называемую религию ариев, имеется в виду та ее ветвь, которая первоначально сложилась на основе авестийской традиции) и «Туран» – центральная и восточная часть, в основном населенная тюркомонгольскими и финно-угорскими народами, которые исповедовали различные этнокультурные формы и вариации тенгрианства» [13].

Он считает, что «эти две цивилизационные культуры – «арийская» и «туранская» – первоначально выделились из единого «туранско-арийского» цивилизационного ядра, сложившегося в глубокой древности на основе общей номадической (кочевнической) цивилизационной платформы, разделившейся в результате грандиозного геополитического расколов «Иран – Туран». Отмечая общее в происхождении этих культур, Н.В. Абаев пытается нащупать истоки, генезис цивилизации, которую он обозначил как арийско-туранскую. Им гипотетически указан период в 15–12 тыс. лет назад.

Н.В. Абаев высказал важное предположение, что уже на начальных этапах формирования номадической арийско-туранской общности начинается формирование тенгрианства и его различных этнокультурных вариаций.

Тенгрианство, по его мнению, сыграло важную роль в переходе от арийско-туранской этнокультурной общности к кочевнической цивилизации. Что было вначале – тенгрианство или же арийско-туранская общность – вопрос, который нуждается в дополнительном исследовании. Важна концептуальная позиция Н.В. Абаева, полагающего, что такая связь имеется. По его

заклучению, тюрко-монгольское тенгрианство представляет собой культурно-исторический вариант арийско-туранской «небесно-солнечной» религии, сформировавшейся именно в горно-таежной зоне Южной Сибири на основе космологической системы аборигенных этносов, где культ гор занимал исключительно важное место» [13].

Заклучение

Таким образом, очевидно, что изначально появившиеся верования, а затем и культы были глубоким отражением грандиозных катастрофических явлений, произошедших на большой территории Земли, перевернувших сознание и духовный мир живших в те времена людей, непосредственных очевидцев этих драматических событий.

Пересказ древними акынами этих важных, уложенных в молитву фрагментов составил основу начальных религиозных верований. Таковым и стало тенгрианство, совпадающее с традициями, бытовыми культурами, верованиями, близкими к природе. Правомерным, на наш взгляд, является утверждение Н. Абаева, что древние воинские культы тюрко-монгольских пастушеских народов и тюрко-монгольская форма тенгризма-тангризма, стали религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Превращение Заратуштрой этих верований в их культ вылилось в систему обязательного религиозного поклонения «Ден». Это привело не столько к духовному расколу на тенгрианство и зороастризм, сколько к тому, что тенгрианство как первооснова продолжало жить в степи, среди тюркских, монгольских народов обретая свой самостоятельный путь, а зороастризм пошел своей жесткой дорогой строгого следования канонам и традициям, нашел пристанище вначале у кейянидов, а затем признание у парфян, а в последующем возведение в культ у шахских правителей.

Возможно, сам степной образ жизни наложил отпечаток на формирование религиозных верований, тенгрианства у тюрко-монгольских народов. Менее подвижные народы, кейяниды, парфяне, более привязанные к посевам у берегов полноводных рек Амударьи и Сырдарьи, Узбоя, тяготеющие к оседлости, сосредоточились на форме, религиозной оболочке древних верований, канонизировали, а персы в последующем возвели зороастризм в абсолют.

Исследования продолжаются, и важно внимательно анализировать исторический материал, устное народное творчество, мифы, сказания и т.п., что позволяет углубить познания и составить близкую к реальности духовно-нравственную картину кристаллизации ценностей и формирования системы веры, культов и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Авеста в русских переводах (1861–1996). – Санкт-Петербург, 1997.
- 2 Енсенгенулы Т. «Авеста» – туркілерге ортак мұра. – Алматы, 2011.
- 3 Оспанов С.И. Жаратушы әлде Заратуштра калай деді? (Жаратушы либо Заратуштра как говорил?) – Алматы, 2003.
- 4 Оспанов С.И. Арғытектану негіздері. – Алматы, 2009.
- 5 Келимбетов Н. Древние литературные памятники тюркских народов. – Алматы: «Раритет», 2013.
- 6 Кыраубай А. Қазақ мифологиясы және Авеста. – Алматы: «Жұлдыз», 1996. – Б. 178–184.
- 7 Шалекенов У.Х. Цивилизация ариев Центральной Азии. – Тараз, 2012.
- 8 Алшанов Р.А. Тайна двадцати тысячелетий. – Алматы, 2016.
- 9 Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: «Наука», 1988.
- 10 Қазақша – орысша СӨЗДІК. Казахско-русский СЛОВАРЬ. – Алматы: «Дайк – Пресс», 2008.
- 11 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Том 1–5 – Главная редакция Казахской советской энциклопедии. – 1984.
- 12 Оспанов С. Зороастризм как один из исторических источников изучения культуры тюркских народов // Вестник Якутского государственного университета. – 2009. – Том 6. – № 1.
- 13 Абаев Н.В. Тэнгрианство, митраизм и общие этнокультурные истоки туранскоарийской цивилизации Центральной и Внутренней Азии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 3.

REFERENCES

- 1 Avesta v russkikh perevodah (1861–1996). Sankt-Peterburg, 1997.
- 2 Ensegenuly T. «Avesta» – turkilerge ortak мыра. Almaty, 2011.
- 3 Ospanov S.I. Zharatushy әлде Zaratushtra kalaj dedi? (Zharatushy libo Zaratushtra kak govoril?) Almaty, 2003.
- 4 Ospanov S.I. (2009) Arғыtektanu negizderi. Almaty.
- 5 Kelimbetov N. (2013) Drevnie literaturnye pamjatniki tjurkskikh narodov. Almaty: «Raritet».
- 6 Kyraubaj A. (1996.) Қазақ мифологиясы және Avesta. Almaty: «Zhyldyz», pp. 178–184.
- 7 Shalekenov U.H. (2012). Civilizacija ariev Central'noj Azii. Taraz
- 8 Alshanov R.A. (2016) Tajna dvadcati tysjacheletij. Almaty.
- 9 Bojs M. (1988) Zoroastriycy. Verovaniya i obychai. M.: «Nauka».
- 10 Қазақша – орысша СӨЗДИК. Kazahsko-russkij SLOVAR". Almaty: «Dajk – Press», 2008.
- 11 Valihanov Ch.Ch. (1984) Sobranie sochinenij v pjati tomah. Vol. 1–5. Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii.
- 12 Ospanov S. (2009) Zoroastrizm kak odin iz istoricheskikh istochnikov izuchenija kul'tury tjurkskikh narodov // Vestnik Jakutskogo gosudarstvennogo universiteta, v. 6, no. 1.
- 13 Abaev N.V. (2015) Tjengrianstvo, mitraizm i obshhie jetnokul'turnye istoki turanskoarijskoj civilizacii Central'noj i Vnutrennej Azii // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 3.

Р.А. АЛШАНОВ,*¹

Э.Ф.Д., профессор,

*e-mail: r.alshanov@turan-edu.kz

¹«Туран» Университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**ДЕН (ДИН) – ЕЖЕЛГІ АҚЫНДАРДЫҢ ДҰҒАЛАРЫ
МЕН ЗАРАТУШТРА ІЛІМДЕРІНІҢ РУХАНИ АЛШАҚТЫҒЫ**

Аңдатпа

Зерттеу мақсаты – ежелгі ақындардың дұғалары мен Заратуштра ілімдерінің рухани алшақтығы туралы мәселені қарастыру. «Ден кою» – «біреуге, бір нәрсеге көңіл бөлу» сөздері; «ден койып тыңдау» – «мұқият тыңдау, бірдеңеге көз жеткізу» дегені тыңдаушыларды дұға мәтінін мұқият зерделеуге, дұғаның дәлелдері мен хабарламаларын тыңдауға және көз жеткізуге шақыруы мүмкін. Оларды түсіну үшін көп жылдар бойы күрес жүрді, мүмкін бұл ілімнің, жаңа дұғалардың жақтаушылары да болған шығар. Бірақ ертедегі жыршылардың дұғасының түсіндірмесін қабылдамағандар да болды. Әдет-ғұрыптардың, күнделікті өмірдің, салт-дәстүрлердің, сондай-ақ табиғи оқиғалардың, соның ішінде аңыздардағы катаклизмдердің, дұғалардың қандай-да бір түрде көрінісі жинақталған тәжірибені таратудың, көргендерін келесі ұрпаққа берудің бір түрі болды. Заратуштра бастапқыда өзін Ахуна Байырдың дұғаларын уағыздаушы және оған берілген адам ретінде көрсетіп, уақыт өте келе Байыр Ахуннан байырғы Ақынға айналған Байыр ақынның жырларын халыққа жеткізді. Заратуштра дұғаларын эволюциялық қайта қарау барысында трансформация кезеңінен өтті, ежелгі ақындардың дұғаларын жақтаушы дәстүршілдерге қарсы шыққан ашулы уағызшыдан қатал реформаторға айналды. Заратуштраның қалыптасқан негіздерден кетуін оның жерлестері ежелгі дұғаларға опасыздық ретінде қарастырды. Мақалада «Оны түсінбеген халқына не айтты?» деген сұрақ зерттеледі.

Тірек сөздер: дұғалар, ежелгі ақындар, ілімдер, әдет-ғұрыптар, дәстүрлер, уағызшы, эволюциялық қайта ойлау.

R.A. ALSHANOV,*¹

d.e.s., professor,

*e-mail: r.alshanov@turan-edu.kz

¹«Turan» University, Kazakhstan, Almaty

**DEN (DIN) – SPIRITUAL DIVERGENCE OF THE PRAYERS
OF THE ANCIENT AKYNS AND THE TEACHINGS OF ZARATHUSHTRA**

Abstract

The purpose of the study is to consider the problem of the spiritual divergence of the prayers of the ancient Akyns and the teachings of Zarathustra. The words «den koyu» – «pay attention to someone, something»; «den koyup

tyndau» – «listen carefully, make sure of something» can mean as a call to listeners to carefully delve into the text of prayers, listen and make sure of the arguments and messages of the prayer appeal. There was a long-term struggle for their understanding, perhaps there were also supporters of the new teaching, new prayers. The reflection of customs, everyday life, rituals, as well as natural events, including cataclysms in legends, prayers in one form or another were a kind of translation of the accumulated experience, the transmission of what they saw to the next generations. Zarathustra initially presents himself as a preacher of the prayers of Akhuna Bairi and, his ascetic, brings to the people the chants of Bayyr akyn, who eventually transformed from Bayyri Akhun into the most ancient, Bayyrgy Akyn. During the evolutionary reinterpretation of prayers, Zarathustra went through a stage of transformation, rebirth from a violent preacher into a fierce reformer who opposed the traditionalists – supporters of the prayers of the ancient Akyns. Zarathustra's departure from the established foundations was considered by his countrymen as a betrayal of ancient prayers. The article examines the question: what did he say to his people, that they did not understand him.

Key words: prayers, ancient akyns, teachings, customs, traditions, preacher, evolutionary rethinking.